

У ласкова у князя у Владимира
Было пированьице, почестен пир,
На многих князей, на бояр,
На русских могучих богатырей
И на всю поляницу удалую.
Красное солнышко на вечере,
Почестный пир идет на веселе;
Все на пиру пьяны-веселы,
Все на пиру порасхвастались:
Глупый хвастает молодой женой,
Безумный хвастает золотой казной,
А умный хвастает старой матерью,
Сильный хвастает своей силою,
Силою, ухваткой богатырскою.
За тым за столом за дубовым
Сидит богатырь Сухмантий Одихмантьевич,
Ничем-то он, молодец, не хвастает.
Солнышко Владимир стольнокиевский
По гридне столовой похаживает,
Желтыми кудерьками потряхивает,
Сам говорит таковы слова:
«Ай же ты, Сухмантий Одихмантьевич!
Что же ты ничем не хвастаешь,
Не ешь, не пьешь и не кушаешь,
Белыя лебеди не рушаешь?
Али чара ти шла не рядобная,
Или место было не по отчине,
Али пьяница надсмеялся ти?»
Воспроговорит Сухман Одихматьевич.
«Солнышко Владимир стольно-киевский!
Чара-то мне-ка шла рядобная,
А и место было по отчине,

Да и пьяница не надсмеялся мне.
Похвастать – не похвастать добру молодцу:
Привезу тебе лебедь белую,
Белу лебедь живьем в руках,
Не ранену лебедку, не кровавлену».
Тогда Сухмантий Одихмантьевич
Скоро встает на резвы ноги,
Приходит из гридни из столовая
Во тую конюшенку стоялую,
Седлает он своего добра коня,
Взимает палицу воинскую,
Взимает для пути, для дороженьки
Одно свое ножище-кинжалище.
Садился Сухмантий на добра коня,
Уезжал Сухмантий ко синю морю,
Ко тоя ко тихия ко заводи.
Как приехал ко первыя тихия заводи, -
Не плавают ни гуси, ни лебеди,
Ни серые малые утеныши.
Ехал ко другия ко тихия ко заводи, -
У тоя у тихия у заводи
Не плавают ни гуси, ни лебеди,
Ни серые малые утеныши.
Ехал ко третия ко тихия ко заводи, -
У тоя у тихия у заводи
Не плавают ни гуси, ни лебеди,
Ни серые малые утеныши.
Тут-то Сухмантий пораздумался:
«Как поехать мне ко славному городу ко Киеву,
Ко ласкову ко князю ко Владимиру,
Поехать мне – живу не бывать;
А поеду я ко матушке Непры-реке!»

Приезжает ко матушке Непры-реке,
Матушка Непра-река текет не по-старому,
Не по-старому текет, не по-прежнему,
А вода с песком помутилася.
Стал Сухмантьюшка выпрашивати:
«Что же ты, матушка Непра-река,
Что же ты текешь не по-старому,
Не по-старому текешь, не по-прежнему,
А вода с песком помутилася?»
Испроговорит матушка Непра-река:
«Как же мне течи было по-старому,
По-старому течи, по-прежнему,
Как за мной, за матушкой Непрой-рекой,
Стоит сила татарская неверная,
Сорок тысячей татаровой поганных?
Мостят они мосты калиновы;
Днем мостят, а ночью я повырою, -
Из сил матушка Непра-река повыбилась».
Раздумался Сухмантий Одихмантьевич:
«Не честь-хвала мне молодецкая
Не отведать силы татарския,
Татарския силы, неверныя».
Направил своего добра коня
Через тую матушку Непру-реку;
Его добрый конь перескочил.
Приезжает Сухмантий ко сыру дубу,
Ко сыру дубу крякновисту,
Выдергивал дуб со кореньями,
За вершинку брал, а с комля сок бежал,
И поехал Сухмантьюшка с дубиночкой.
Напустил он своего добра коня
На тую ли на силу на татарскую,

И начал он дубиночкой помахивати,
Начал татар поколачивати:
Махнет Сухмантьюшка – улица,
Отмахнет назад – промежуточек,
И вперед просунет – переулочек.
Убил он всех татар поганных.
Бежало три татарина поганных,
Бежали ко матушке Непры-реке,
Садилась под кусточки под ракитовы,
Направили стрелочки каленые.
Приехал Сухмантий Одихмантьевич
Ко той ко матушке Непры-реке, -
Пустили три татарина поганных
Тыя стрелочки каленые Во его в бока во белые;
Тут Сухмантий Одихмантьевич
Стрелочки каленые выдергивал,
Совал в раны кровавые листочки макавы,
А трех татаровей поганных
Убил своим ножищем-кинжалищем.
Садился Сухмантий на добра коня,
Припустил ко матушке Непры-реке,
Приезжал ко городу ко Киеву,
Ко тому двору княженецкому.
Привязал коня ко столбу ко точеному,
Ко тому кольцу ко золоченому,
Сам бежал во гридню во столовую.
Князь Владимир стольнокиевский
По гридне столовая похаживает,
Желтыма кудерьками потряхивает,
Сам говорит таковы слова:
«Ай же ты, Сухмантий Одихмантьевич!
Привез ли ты мне лебедь белую,

Белу лебедь живьем в руках,
Не ранену лебедку, не кровавлену?»
Говорит Сухмантий Одихмантьевич:
«Солнышко князь стольнокиевский!
Мне, мол, было не до лебедушки:
А за той за матушкой Непрой-рекой
Стояла сила татарская неверная,
Сорок тысячей татаровей поганных;
Шла же эта сила во Киев-град,
Мостила мосточки калиновы;
Они днем мосты мостят,
А матушка Непра-река ночью повыроет.
Напустил я своего добра коня
На тую на силу на татарскую,
Побил всех татар поганных».
Солнышко Владимир стольнокиевский
Приказал своим слугам верным
Взять Сухмантя за белы руки,
Посадить молодца в глубокий погреб,
А послать Добрынюшку Никитинца
За тую за матушку Непру-реку –
Проведать заработки Сухмантьевы.
Седлал Добрыня добра коня,
И поехал молодец во чисто поле.
Приезжает ко матушке Непры-реке
И видит Добрынюшка Никитинец –
Побита сила татарская;
И видит дубиночку-вязиночку,
У той реки разбитую на лозиночки.
Привозит дубиночку в Киев-град,
Ко ласкову князю ко Владимиру,
Сам говорит таково слово:

«Правдой хвастал Сухман Одихмантьевич:
За той за матушкой Непрой-рекой
Есть сила татарская побитая,
Сорок тысячей татаровей поганных;
И привез я дубиночку Сухмантьеву,
На лозиночки дубиночка облочкана».
Потянула дубина девяносто пуд.
Говорил Владимир стольнокиевский:
«Ай же, слуги мои верные!
Скоро идите в глубок погреб,
Взимайте Сухмантя Одихмантьевича,
Приводите ко мне на ясны очи:
Буду его, молодца, жаловать-миловать,
За его услугу за великую,
Городами его с пригородками,
Али селами со приселками,
Аль бессчетной золотой казной долюби».
Приходят его слуги верные
Ко тому ко погребу глубокому,
Сами говорят таковы слова:
«Ай же ты, Сухмантий Одихмантьевич!
Выходи со погреба со глубокого:
Хочет тебя солнышко жаловать,
Хочет тебя солнышко миловать
За твою услугу великую».
Выходил Сухмантий с погреба глубокого,
Выходил на далече-далече чисто поле,
И говорил молодец таковы слова:
«Не умел меня солнышко миловать,
Не умел меня солнышко жаловать,
А теперь не видать меня во ясны очи!»
Выдергивал листочки маковые

Со тых с ран со кровавых,
Сам Сухмантий приговаривал:
«Потеки, Сухман-река,
От моя от крови от горючия,
От горючия крови, от напрасныя!»